

Эрнест Зариньш

Информационные войны – 1

Наследие кокона

Эрнест Зариньш

**Информационные войны
– 1. Наследие кокона**

«Издательские решения»

Зариньш Э.

Информационные войны – 1. Наследие кокона / Э. Зариньш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962638-7

История знаменитого графа из Валахии, которая чудным образом переплелась с современной действительностью. Любовь молодого аристократа, его подвиги и самое главное его поражение. Что таилось тогда в его душе? Каков был смысл в его поступках, и какой след он оставил в веках? Автор пытается разгадать эту загадку, представив свой, оригинальный взгляд на природу его поступков.

ISBN 978-5-44-962638-7

© Зариньш Э.
© Издательские решения

Информационные войны – 1

Наследие кокона

Эрнест Зариньш

© Эрнест Зариньш, 2019

ISBN 978-5-4496-2638-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-2639-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей жене Елене Бичовой-Зарине, которая поддерживает мои начинания, и строго оценивает их, со своей, женской точки зрения. Спасибо моей матери и отцу за мою жизнь. Спасибо ушедшей от нас бабушке Тамаре за мое счастливое детство

Клоун был таким улыбчивым, каким не был никогда сам Франц. На самом деле он был Франц-Николай, но это только по метрикам. В жизни все его звали Франя. Он не возражал, да и чему возражать, если его назвали в честь известного в советскую эпоху, и абсолютно забытого в эру капитализма, деятеля французской революции Бабефа, чем, кстати, обусловили дерзкий и пылкий характер малыша. В школе его хоть «революционером» не обзывали. Конечно от банального незнания, а, отнюдь не от дружеских чувств, недостаток которых у молодого человека проявился в его вечной задумчивости. В первых классах у него обнаружилась недюжинная способность рассуждать обо всем, проводить параллели, да и читать он начал достаточно рано.

К семи годам, когда обычные дети собирались в классе и учились выводить квадратики в тетрадке, подсчитывать треугольники, Франя болел. Он вообще считал школу довольно бесполезным занятием, чем-то сродни птицеферме и нацистскому лагерю одновременно. И ему за это придётся пострадать. Но это уже потом, а сейчас он смотрел на эту крупную по детским меркам игрушку, сделанную из гладкой пластмассы с выступающими бархатистыми ресницами, и глазами, которые то открывались, то снова закрывались, в такт движениям и переворотам твердого пластмассового тела. Глаза у игрушки были изумрудно зеленые, яркие, они-то и привлекли Франю своей открытостью, и, как ему по своему, детскому, разумению казалось, вдумчивостью. Яркий двухцветный шелк, такой лощеный, такой красивый, переливающийся в свете лучей восходящего солнца. Но это была не его игрушка. Она жила в соседней комнате, куда он мог пробраться лишь тогда, когда взрослые оставляли их вдвоем с сестрой наедине с бабушкой, убеленной сединой полной старушкой, которая ходила в одном и том же черно-коричневом махровом халате.

Еще ни раз он обратится к этой игрушке с советом, именно ей он будет читать свои первые стихи, бесхитростные и надуманные одновременно... Да, литература привлекала его с детства. Но серьёзно до 21 года он ею не увлекался.

Да и знал он куда больше своих сверстников, ибо по-настоящему читать начал даже до того, как мать, которую на месяц отправили отдыхать в лагерь на берегу влажного, пасмурного, поросшего соснами курорта, один раз, вернувшись в свой домик, не обнаружила Франю, насупленного и увлеченного, исправно перелистывавшего своими пухлыми пальчиками толстый том Каверина.

Тогда мать не придала внимания этому факту, просто подумала. Мальчик балуется. Изображает взрослого. Но вот изображать взрослого мальчик начал намного позже.

Мать, постоянно пропадала на работе, на которой, кстати, работала главным инженером одной радиоэлектронной фабрики. Отец вообще жил в другом городе, нередко навещал маленького Франю, и порой увозил к себе, в царство природы и поселкового минимализма. Поселок городского типа, где обитал его папа, был небольшим, буквально в три дома, за которыми скрывалась дорога, ведущая в никуда. Буквально, а не в переносном смысле. Ибо она упиралась в засохшее болотистое поле, которое отдали сельчанам под огороды. Почва была глинистая, и летом, во время засушливой до тошноты погоды, превращалась в пустынную равнину, из которой то тут, то там пробивались, засохшие ростки огурцов и жухлые перья моркови, словно одинокие, брошенные солдаты вселенской армии, оставленные на медленную гибель, драгуны, пехотинцы, совсем как в том бумажном конструкторе, который привезла ему однажды тетка из украинского городка, вот как их видел тогда Франя.

Почему-то тянуло его и на мелкую грязную лужу, которая находилась недалеко от соседских гаражей. Туда обычно местные механизаторы выкидывали старые покрышки, от машин, от тракторов... Частенько так же туда скидывали всяческий механический хлам. Вещи для подростка безусловно ритуальные. Хотя доподлинно не известно, что больше привлекало подростка, то ли останки старых тракторов, то ли существа, которые обитали во многом множестве в озере и вокруг него. Однажды, под старой доской, которая служила одновременно и мостиком и пристанью для бумажных корабликов Франи, он вытащил нечто необычное. Это оказались уже деформировавшиеся останки местного пса, который умер в своей каморке, расположившейся в дальнем конце гаражного кооператива, то ли от грусти (городок был настолько маленьким, что и красть никто не решался) то ли от старости.

Череп пса впервые навел юного Франю на мысли о смерти. За этим странным артефактом, символом вселенского катабасиса пролегла тропинка через ручей, по деревянному мостику-трапу. По старинному обычаю, который Франя ценил чуть-ли не как религиозный обряд, она и только она соединяла этот его чудесный мир с другим миром. Миром живых, миром, где на старом, залитом маслом и запруженном озере, собравшись в стайку, орды зеленые лягушек выводили чудные рулады. И, возможно, именно возможность перейти эту деревянную тропку, или сидеть, наслаждаясь своим чудесным заброшенным миром, означало для него тогда свободу.

Буквально через год после находки, отец повел его к себе на работу. Он шел мимо огромных кабин тракторов, у которых одно колесо было размером с этаж панельного дома.

Он видел, как рабочие откручивают какие-то детали, пахнущие селитрой и солидолом. Маленький Франя всегда морщился от этого запаха, но вскоре втянулся. В итоге отец пристроил его в ангар, стоявший на отшибе, за густыми ковыльными зарослями.

Там ожидали свое время сотни моторов, посеребрившие ремни которых были вылинялые и лохматые от древности. Вокруг моторов валялись целые клубки таких вот ремней, но больше всего Франя любил всяческие шестеренки и подшипники. Именно там, в этом ангаре, он подобрал несколько блестящих шариков, на которых почти не было царапин. Оттер до блеска, и использовал их в качестве китайских шариков для медитации. Но тогда Франя не знал про то, что где-то там, в Китае, есть такая традиция, крутить в руках эти шарики, мол они олицетворяют волшебную силу крови и дыхания, ксу и ки. Он абсолютно интуитивно брал их в руку и начинал вращать, прислушиваясь к волшебному звуку трения металла о металл. Франя с тех пор часто бегал в этот полузаброшенный ангар, придумывая себе всевозможные развлечения. Он с детства любил фантазировать на тему загадочных и непостижимых миров, которые, как ему казалось, расположились буквально под носом. Например, видя большую лужу во дворе, они, с двоюродной сестренкой представляли, что это огромное море, отделявшее их королевство от королевства подружки сестры, девочки из соседнего дома. Они тогда завели свои деньги, которыми обменивались между собой, покупая шоколадки, конфеты, апельсины, по тем временам ещё довольно дикие фрукты. Еще они изобрели свой шифр. Довольно

примитивный, но действенный. Никто вокруг не интересовался загадками. Один Франя с удовольствием и неким трепетом раскрывал очередной помятый листик в клеточку, чтобы позже, прочитав, спрятать его в укромном месте.

Отец, конечно же, пытался таким образом приучить его к технике, но один случай свел все его старания. Напротив ангаров, где были проложены металлические рукава труб, все обросло кустарником, и отцу Франи поручили расчистить заросли, чтобы очистить подход к ангару. Естественно, что маленький Франя навязался за отцом. В итоге они собрали огромную кучу веток, разломали напополам, взяли досок, полили все керосином, и поджег. Огонек заметался между листьями, и тут взгляд Франи выхватил рядом с желтым огоньком пожара черный цвет, который метался между листьями и ветвями. Среди рабочих не было и тени сомнения в своих действиях, хотя, вполне возможно, что они и заметили, и осознавали, что лиса, запутавшаяся в ветвях, уже может не выпутаться из своих силков.

Когда огонь уже поглотил большую часть кустарника, Франя решился. Он посмотрел грустным взглядом на лису, потом перевел взгляд на гаражи. Он понял, что единственная возможность освободить животное из огненного плена, это проскочить под криво-накриво обмотанной стекловолокном трубой и загнать её в темный проем между этими стальными, проржавевшими ракушками. Тогда он, во всю прыть своих детских тонких ножек, рванулся вызволять бедное животное, попавшее в беду. Проскользнув под срубленными ветками, он распутал ветви и попытался взять животное на руки. Он не знал, что лисы, такие красивые и величественные звери, по своей натуре могут с испуга очень больно покусать. Но эта конкретная лиса не причинила вреда Фране, а просто выскользнула у него из рук, пробежала несколько шагов и обернулась. меховой комок смотрел на Франю таким жалостливым взглядом, что тот снова протянул свои ребяческие ручки к ней, но понял, что лисе не нравятся люди. Она хотела назад, в дикие лесные просторы. Пусть там повсюду подстерегает опасность, но там привычнее. Там сама её лисья природа правит бал. Там никто не приручает, и не подкармливает. Жуткий и дивный мир. Она привыкла чувствовать там опасность, поворачивать свою острую морду и длинные черные усы в сторону любого шороха, наверное, и счастье свое, лисье, она испытывала там намного острее. Кто знает.

Но Франю это не интересовало. Он хотел спасти лесную обитательницу от губящей стихии.

Поэтому Франя топнул своей маленькой ножкой и погнал лисицу в сторону гаражей. Лисица припустила со всех ног, и успела вырваться, когда уже над кучей веток начал сгущаться едкий пахучий дым, к которому примешивались нотки горелой лисья.

Лисица уже скрылась от взгляда Франи. Металлические остовы гаражей поглотили её, как жерло. Ненасытное городское жерло.

И тут нога Франи запнулась за какую-то корягу. Он упал, и в голове как будто-бы что-то порвалось. Появилось чувство невероятной свободы, затягивающей куда-то вглубь него, вглубь самого Франи. Это было завораживающее чувство. Приятное и страшное одновременно. Франя понимал, если сейчас не прервать эту дрему, не нарушить этот сон, то и жизнь, маленькими каплями, словно капли воска, стечет вниз, на эти оголенные корни, и останется тут навсегда.

Он силой воли разбудил себя ото сна, посмотрел на железяку, которая хитрым и хищным врагом валялась на земле и поковылял к отцу. Но уже сделав несколько нетвердых шагов он, как говорится в народе «поплыл», стал хвататься за ветви. А запах гари между тем стал явственнее, и судьба его казалась незавидной. Но он, последним усилием раздвинул плотную стену ветвей, и выбрался наружу. Судорожно глотнув свежего воздуха, он обернулся на гаражи. Лисы уже не было. Экий молодец, хотел спасти животное, а сам чуть не сгорел.

По дороге он приложил руку к затылку. Посмотрел на ладонь. Она была красная, он понял, что из него на рубашку и на свитер сочится кровь. Тогда он снял свитер и приложил к ране.

Отец, в это время с друзьями в каморке записывали расписание на месяц. Он и представить не мог, что сын возвратится весь в крови с разможжённой головой.

Рану зашили в местной больнице. Даже в больницу Франю тогда не положили, хотя врач говорил, что есть опасность отека головного мозга. Врач хотел было настоять на временной госпитализации, но отец посмотрел тогда на Франю, прищурил глаз и сказал.

– Мы же мужественные. Дома переживем напасть, да?

Мальчик кивнул, соглашаясь со словами отца.

Рана заживала быстро, как на собаке, но именно после этого случая мальчика стали одолевать ужаснейшие головные боли, которые иногда затихали, иногда, словно под воздействием неких тайных сил опять затевали перед глазами малыша жуткий хоровод.

Один раз Франя даже с сестрой ходили к специальному доктору, которая посмотрев на худосочного подростка с жалостью, удалилась в маленькую хозяйственную комнатку и выкачала чудный аппарат. Нацепив на голову подростка резиновые присоски, смазав предварительно кожу каким-то гелем, она заставляла того раскрывать и закрывать глаза, задерживать подолгу дыхание и делать прочие, несвойственные в повседневной жизни вещи.

В итоге она вытащила из аппарата хрустящую бумажку, и посмотрев на показания, сказала:

– Что-то в этом определенно есть. Постарайтесь не читать на ночь, не перетруждать себя нагрузками. Я выпишу вам лекарство.

В результате Франя получил кучу неприятностей себе на заднее место. Причем не в переносном, а в буквальном смысле. Курс уколов мозговой вытяжки животных.

Не знаю уж, что больше повлияло на Франю, но после этого все и началось...

Отец Франи рано разошелся с матерью. Нельзя сказать, чтобы в этом было что-то необычное. Они были из военных, часто переезжали из города в город, но строгая выправка отставного штабного моряка была куда как привычнее, чем богатство портного, или умелые руки автослесаря. Кроме того, это был второй брак матери Франи. В первом, как она сама говорила, «она позволяла себя любить», любви особой не было, и, хотя считается, что вопрос про возможности передачи генной информации с первыми поцелуями и ласками давно уже решен, Франя, лишь только увидев первого мужчину своей матери понял, насколько он был на него похож. Те же тонкие, несмелые губы, те же немного растерянные глаза. Тот же длинный подбородок и широкие носовые крылья.

Да и нос такой же, длинный и немного курносый.

А ещё было у Франи странное развлечение, каждый раз, когда в районе происходило громкое убийство, он шел в соседний киоск, где продавщица Антонина уже ждала его появления, она, ненадолго уходила копаться в периодике, а потом, усмешливо щурясь, высывалась из окошка киоска, и заявляла:

– На, вроде все тебе подобрала... Да только ты на много не надейся, тут больше строчек, чем смысла.

А Франя отходил шага на два, и начинал перелистывать свежие, ещё пахнущие типографской краской страницы. И они как будто оживали перед ним, открывая все новые и новые обстоятельства смерти жертвы. Он мог так подолгу стоять около киоска, просматривая, сравнивая статьи из нескольких газет, пока какой-нибудь очередной старичок, или истеричная женщина не отгоняли его от очереди, выстраиваясь в нестройной, куцей очереди.

Собственно, именно из-за этого необъяснимого увлечения у него на балконе уже скопилось целая тонна подобной желтой и полу-желтой литературы. Надо сказать, что дело проис-

ходило уже в постсоветскую эпоху, и получить какую-то особо дефицитную литературу взамен старых пожелтевших и истрепавшихся листов было уже невозможно.

Но одна деталь особенно приковывала его взор. Это были фотографии трупов. Нет, он не был из тех, кто может наслаждаться чужим страданием. Словно обезьянка, которая просовывает руку в тонкое горлышко сосуда, он просовывал руку в трещину небытия. Он всматривался в лица убитых людей, чтобы попытаться понять, куда они направились после смерти, как они продолжили свой путь? Есть ли перерождение, или душа уходит в темное ничто?

А может быть душа уходит в саму свою оболочку, как улитка, которая во время опасности прячется в свой твердый домик? Может тело это лишь очередная составляющая, которая падая в земную плоскость, наполняет своим плотным компостом, земной салат, а своим миром, который успело накопить за время земной жизни наполняет информационное пространство, пространство опыта, пространство знания о великих поражениях и великих победах, которые могут снова воплотиться через иных людей, иных игроков в этой вселенской драме? Франька часто думал над этим, когда не болела голова.

Постоянные головные боли, из-за которых Франя не мог нормально даже пробежать вокруг стадиона, без того, чтобы не присесть на лавочку ставили крест на его спортивной карьере, а ведь в свое время он был неплохим вратарем в школьной команде.

Боли немного успокаивались, когда Франька читал, и это подтолкнуло его развиваться именно в этом направлении. Ему было тяжело признать, что он по своему внешнему виду ничем практически не выделялся от окружающих его сверстников, и это очень огорчало его. С детства мать записала его в районную библиотеку, и, хотя дорога была не близкой, он всегда с огромным удовольствием её посещал.

Особенно, когда была плохая погода, и на душе было тяжело и пасмурно, как на осеннем небе.

И Франька, засев за библиотечный столик, буквально поглощал детскую фантастику, книги про пиратов, про приключения веселого

Тима, про великана-Гулливера в маленьком мире, где постоянно ссорились два народа.

Чуть позже он, надо отметить абсолютно закономерно, увлекся историей. Надо заметить, что учитель истории у него был не очень хороший. Усатый, похожий на самого обыкновенного священника, он прививал у учеников особенную нелюбовь к персонам, которые изменяли историю, выдающимся персонам истории, таким, как Иван Грозный, или Петр Первый. Говорили, что у него были на то свои, чисто личные причины, мол, предки у него были из поморов, которых Петр обязал вместо торговых двухобивочных кораблей- кочей, строить морские суда, которые были необходимы его флоту, и тем самым разорил Сибирь.

Франька же всегда имел какую-то свою точку зрения, он понимал, насколько важно было на тот момент взять всю силу народную в один кулак, и позже, с помощью северных войн сплотить свой народ ради благого дела обустройства государства, торжества наук и прогресса.

Великий самобытный дух историка, между тем, к сожалению, проявился лишь в тяге к бутылке.

Причем вроде-бы это не могло ему грозить ничем серьёзным, поскольку он выпивал в каморке, которую обустроил за своим кабинетом, причем не в одиночку, а ни с кем иным, как с самим директором школы. За что его благополучно и выгнали, как только директор закурил в постели, после их совместной попойки, и сторел.

Другой пример самобытного духа, который больше вдохновлял Франю, это был пример рыцаря ордена Дракона, который проживал в той части света, которые современники называют Румынией. Орден в свое время основал Сигизмунд первый и его супруга Барбара. Рыцарь в свое время был заложником, которого за долг отправили ко двору венгерского короля, позже отправился в качестве наемника сражаться за турецкий султанат в Константинополь. В 1431 году, в возрасте 31 года, рыцарь возвращается в свои родные края, но суверенный статус

Валахии не устраивал соседствующую Венгрию. Помимо всего, рыцарь освободился от хождения на территории Валахии венгерских монет, начав чеканить свои. Позже, когда войска султана двинулись в Европу, он спас жителей городка Себиш, предложив переселиться в свое княжество, которое объявил суверенным, выплачивая дань, от которой также позже отказался.

Венгры между тем хотели поставить своего управителя над Валахией, и рыцарь обратился к туркам, которые, несмотря на охранную грамоту захватили заложниками его сыновей.

Это было первое предательство, которое пережил правитель Венгровалахии и герцог Фагараша и Амласа. Позже, когда рыцарь начал мстить за это предательство и повел войска против султаната, но по дороге венгерский воевода занимался лишь разграблением земель, принадлежавших в свое время рыцарю, за что тот и арестовал его, повелев заплатить огромный штраф.

Несмотря на этот факт, Влад не отказался от помощи венгерскому воинству, ну а оно не забыло позорный плен своего предводителя, и в 1448-м году при помощи местной знати, которая оклеветала своего правителя, убило рыцаря, захватив престол. За что и пострадало позже, во времена правления сына рыцаря. Он не забыл ни одного предателя своей маленькой родины...

Как и любой мальчик, Франя любил истории про рыцарей. Тем более, что на подмостках школьного здания он сам подчас становился рыцарем.

Дело в том, что его не любили сверстники. Нет, не то, чтобы Франю сильно ненавидели. Но его старый поношенный свитер, его увлеченность, с какой он подходил к любому делу, будь то математические вычисления, которые, к слову, ему абсолютно не давались, посадка кустов в пришкольном саду, либо чтение, которому он предавался на переменах, вытянув из коричневого кожаного портфельчика очередной зеленый томик, ни одно из этих занятий не располагало к близкой дружбе с основной школьной компанией. Которая, по своему обыкновению проводило время куда как прозаичнее, либо в баре рядом со школой, либо у игровых автоматов.

Поэтому иногда случались серьёзные стычки, в том числе один раз такая стычка произошла после случая, который произошел в физкультурном зале, когда один из одноклассников Франи, Слава, который был известен по всей школе своими увлечениями, а именно тяжелым роком и боксом, предложил парням размяться, и даже притащил ради такого дела из дома перчатки и бинты.

Многие ребята, ставшие, в силу повального увлечения Ван-Даммом и Шварцем, уже воспитанниками различных подростковых секций. Карате, айкидо, и ещё несчетное количество различных японских названий повторялось в подростковом кругу куда чаще, чем до этого упоминались слова «накур», «бошки», «травка». Это был очередной поворот страны без идеи, очередной отход от основной линии, ради того, чтобы пополнить круг безбашенных бойцов, готовых рвать плоть своих же сверстников ради чужого влияния, за мелкий авторитет в молодежном кругу и за столь же мелкие, незначительные деньги.

Франя к этому времени хоть и перестал быть отличником, но уже начинал читать философию, и начитался настолько, что стал понимать, что разум и моральный императив назло всему должны привести мир к порядку, или же мир скатится в пропасть настолько глубокую, что полностью пропадет тот полезный плод, который стоит извлекать на поверхность.

На школьных дискотеках Франя появлялся нечасто, и ему как-то удавалось проявить себя на фоне бухающей молодежи, и не успеть получить на орехи. В этот же момент появились несколько девушек, которые стали привлекать его внимание.

Одна из них, Римма, уже долгое время вызывала его симпатию. Крохотные, еле заметные, но столь привлекательные ямки на щеках этой улыбочивой длинноногой девчонки буквально завораживали Франю.

Но, как это обычно случается, девушка имела уже более солидного поклонника. А именно друга Славы, чемпиона школы по гиревому спорту Игоря.

Тот с остервенением посещал все занятия по физкультуре, куда приходил и малахольный Франя, ведь если у других учеников хватало наглости и удачи, чтобы получить у врача освобождение от занятий, или в крайнем случае написать «фальшак», то Франя во всем держался принципа испанских революционеров, про которых прочитал ранее. «Кто не прыгает, тот мумия». Застывать на месте для таких людей было равносильно смерти (это уже относилось к другому знаменитому лозунгу испанцев «Свобода или смерть»). Поэтому он, не запятнав свою совесть, ещё немного подтягивался в плане физического развития.

Когда он услышал, что в спортивном зале после уроков состоится мероприятие, на котором его одноклассники, и ребята постарше будут проводить любительские бои, он в первую очередь подумал о своей плачевной физической форме, но это ведь был ещё один повод увидеть её.

И он решился, решился независимо от того, что не обладал нужными данными, не рассчитывал на какую либо-убедительную победу. Какие-то определенные знание, наскоро почерпнутые из книг, несколько часов подготовки перед грушей, всего этого было безусловно недостаточно, чтобы появилась хоть слабая толика надежды на выигрыш хотя-бы в одном бое.

И вот пришел долгожданный день, Франя собрал всю свою волю в кулак, и, оставив свой портфельчик дома, благо до дома Франи из школы было пара сотен метров, переоделся и попытался засунуть в себя бутерброд с котлетой. Не вышло, видимо ком в горле мешал.

Из одежды Франя не нашел ничего, кроме легкой свежей клетчатой рубашки, которую заправил в темные ученические брюки.

Через приоткрытые двери уже слышался скрип кроссовок, выкрики школьников, звуки ударов.

Фране безусловно были ближе притаившиеся рядом со входом в спортивный зал пыльные доски для настольного тенниса, коим он занимался в младших классах, его всегда манили звуки ударов маленького пластмассового шарика, ударяющегося о гладкую зеленую площадку стола, нежели пропахший потом и хлоркой спортзал. Ну, возможно ещё его привлекало помещение ГО, которое располагалось прямо над этим коридорчиком. Развешенные по стенам плакаты по сборке автоматов, горны, флаги, противогаз типа «слоник» и инструкция рядом с ним. Франя вспоминал, как их всем классом звали в эту «святая святых» школы, чтобы учить правилам выживания, сборки-разборки оружия. Другое дело, что после, в перестроечные времена эту комнату полностью разгромили, и вынесли все, что только возможно, а Франя получил себе плакат по разборке автомата, чему был безраздельно рад. Но это было потом, а пока его ждало приключение, которое казалось ему чем-то сродни рыцарскому турниру.

Парни в зале оглянулись, и отреагировали на появление Франи смешком, который скорее выражал удивление, ведь до этого тот не отличался в школьных драках, да и в тренировках, которые взялся вести тот самый Игорь, откровенно не блистал.

Одноклассник Франи, местный хулиган и городская шпана даже посочувствовал горев бойцу, подошел как бы для того, чтобы одеть тому перчатки и шепнул ему на ухо:

«Да ты-то куда лезешь? Поскользлись, скажи, мол, ногу подвернул, и уходи»

Но горячая кровь уже ударила Фране в голову, да и присутствие пассии не оставляло ни одного шанса на мирное разрешение трудной ситуации.

И вот уже второй, более плотный паренек из местной шпаны объявил первую двойку участников. Ими стали Алексей, высокий, но щуплый паренек, который, несмотря на это обладал большой силой удара, и малорослый, но более плотный Сергей.

Несмотря на то, что поединок был боксерским, а Сергей занимался уже полтора года в секции карате, правила не особо соблюдались, и Сергей успел несколько раз применить приемчики в противоход и подножки. Алексей же был очень выносливым бойцом, хотя и немного

нервным, и в итоге выиграл просто на своем адском приливе энергии. Кроме того, он был посетителем секции бокса, пускай и занимался он совсем не долго.

Настал черед Франи попробовать себя в драке. Вначале ему дали драться с Рашидом, тот был настоящим папенькиным сыночком, в начальных классах пытался вызвать у класса симпатию тем, что приносил всем иностранные жвачки и модели машинок, которые его отец привозил из плавания, но тактика Рашида вызвала у класса откровенное неприятие. Кроме того, Рашид ходил в джинсовой куртке. Что вызывало отторжение у тех, которые хотели завоевать популярность среди школьного коллектива, не обладая подобными аксессуарами.

Рашид чаще всего сбегал с уроков, потому что его после уроков мутузил весь класс, причем забавы эти были отнюдь не безболезненными, например, парни из старших классов окружали бедного Рашида в углу класса, окружали его рядами стульев, и заставляли пробираться сквозь них, при этом при любом удобном моменте, как только тот пролезал через последний ряд, пинали ногами, заставляя его лезть обратно. И так происходило до тех пор, пока на пороге не появлялась учительница.

Некоторое время Рашид сохранял достоинство, но потом начались разборки с отцом, статным и серьёзным капитаном, причем нотации читали всем младшеклассникам, включая Франю, который никогда не принимал участия в травле полноватого Рашида. После этого Франя затаил некую злобу на этого нескладного, полноватого подростка. И вот сегодня он мог поквитаться с ним один на один.

Несмотря на невысокий рост, Рашид обладал большой силой удара, естественно, что во время его стычек с стайей старшеклассников этого ему демонстрировать не давали, просто в силу того, что нападавших было больше.

И вот драка один на один, где необходимо было прикладывать все усилия ради победы.

Пропустив несколько ударов Франя собрался. Он поставил руки в защитную позицию, и тут внезапно та самая злоба, которую он испытывал к этому толстяку пробудилась, он стал наносить удары по корпусу, потом провел парный в голову. Рашид как-то весь сжался, что было довольно-таки странно при его то комплекции, и стал хрипеть. Да, именно так. Ни на что другое те звуки, которые издавал Рашид похожи не были. Удивленные одноклассники, которые поставили Франю в пару с Рашидом, надеясь на то что два самых слабых парня разберутся друг с другом без особой крови стали считать удары.

Серьёзным сюрпризом явился для них результат этого матча. По очкам победил Франя. Рашид по своему обыкновению собрал свои пожитки в сумку Аэрофлот, достал из портфеля бутерброды, термос, и начал есть. Постоянное поглощение им пищи было еще одной причиной, по которой над ним смеялись одноклассники. И сейчас, казалось, бои пар на несколько секунд прекратились, так как бойцы повернулись в сторону скамейки, на которой Рашид пожирал жирные ломтики хлеба с колбасой.

Следующей парой Франю должны были поставить с тем, кто выиграл в первом раунде. И это был долговязый Алексей.

Франя ощущал необычную боль в суставах, в отличии от разбитой брови, боль в которой не ощущалась. Видимо удары, нанесенные Рашиду, были слишком сильны. Франя отметил про себя, что это довольно необычно для него, стеснительного и отнюдь не бойкого мальчика.

Ну а события, которые произошли после этого Франя вообще объяснить не мог никак, разве что необычным стечением обстоятельств, или чудом...

Когда Алексей уже по своему обыкновению начал осуществлять серию ударов в воздух, так называемый «бой с тенью», который был его коронкой перед боем, Франя почувствовал, как его сознание затуманилось, он снял перчатки, приложил ладонь к разбитой, кровоточащей брови, и увидел, как красная липкая жидкость стала медленно спускаться к запястью, он абсолютно инстинктивно приложил губы к своей ладони, и почувствовал солоноватый вкус.

Пелена перед глазами исчезла, и первый раз он увидел то самое видение, которое после этого преследовало его раз за разом в течении всей жизни.

Он увидел ту самую лису, с беспокойным и безвыходным взглядом. В этом взгляде отражалась та самая безвыходность существования, которую он и сам ощущал. Помочь, раздвинуть ветки, выпустить на свободу живую душу, вот та единственная задача, которую он мечтал осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.